

- И целая коробочка маргарина

Валя остался без мамы в четыре года. Семья жестянщика вагонного депо Николая Григорьевича Созонова не бедствовала: жили в добротном пятистенке, профессия давала «припек»: и на сельской улице - деревенским то подойник поправь, то конек на крыше. Однако остаться после смерти жены бобылем с четырьмя ребятишками (у Вали было еще две сестренки и брат) несладко. И скоро в доме появилась мачеха, а с нею и другие дети. Неудивительно, что все Созоновы с малолетства искали приработки.

Валентину по сравнению со старшими достался «сладкий кусок»: ему позволили закончить семилетку. Но в пятнадцать лет, за год до начала войны, он уже был по железу молотком, осваивая рабочий курс в ФЗО. Получил профессию слесаря четвертого разряда, работал слесарем-масленщиком на пассажирском пароходе. Мирного труда на его долю в юности досталось совсем немного.

23 января 1943 года Валентин Созонов был призван в действующую армию. Семнадцатилетнего бойца направили учиться в город Курган на радиста-пулеметчика. На Урале, в Нижнем Тагиле, формировал экипажи 3-й танковый батальон 175 танкового полка для Первого Украинского фронта. Танки Т-34 с готовыми экипажами погрузили в эшелон и отправили на фронт через Пермь, Киев, Львов. В танке Валентин Созонов и прошел всю войну.

Спрашиваю - через дочку Любовь Валентиновну, единственную, чей звонкий голос сегодня хорошо слышит воевавший несколько лет в танковом грохоте ветеран:

- Что, так пешком на фронте совсем и не ходил?

- Не пришлось совсем, - признается старший сержант в отставке. - Дорог,

считай, даже не видел. Командир приказывал: «Огонь!». И я стрелял. Заряжающий только успеваешь закладывать снаряды: «Бронебойный!... Осколочный!... Подкалиберный!...» Попадал - не попадал, ему было виднее.

Судя по всему, попадал. Иначе не украшали бы грудь героя ордена и медали, не красовался бы на парадном пиджаке Орден славы. Иначе не брал бы танковый полк один населенный пункт за другим, не вписал бы в историю освобождения страны столько значимых страниц.

Случилось - в бою отказали гусеницы. Танк встал, залегла двигавшаяся под его прикрытием пехота. Механик сориентировался быстрее всех. Он приспособил Валентина переключать скорость, а сам начал управлять рычагами. Тот бой был особенно жестоким. Высоту они взяли.

- Как-то в наш танк попал снаряд и не разорвался, а застрял между башней и кольцом, - рассказывал Валентин Николаевич. - Башню танка заклинило, она не поворачивалась. А бронебойный снаряд торчит! Боялись мы, разорвется, но бой продолжался, и мы шли вперед. В конце концов снаряд сам отпал. Перекрестились...

Бывало, что в дуле пушки застревало дерево - шли ведь напролом, рвались через леса и рощи. Команда «огонь!», а у Т-34 сучок в дуле. Выстрелили - и пушку «закудрявило» будто разорванное перо зеленого лука. Тогда отделился коротким простоем. Подъехала двигавшаяся по тылу ремонтная летучка, слесари быстро исправили ситуацию.

Снаряды в машину попадали нередко. Слава Богу, большинство не разрывалось. Но когда такое железо сталкивалось с танковой броней, ребята несколько мгно-

вений сидели оглушенные - так било по ушам.

Тем не менее, танк для экипажа в бою - что твоё бомбоубежище. На войне это место жизни, дом родной. Валентин Николаевич рассказывает, что экипаж всегда держал в машине запас воды и хлеба. А приваливала удача, на хлеб было и что намазать.

Во время одного из боев машина упала в кювет, вытащить ее мог только тягач: у танка оборвалась тяга.

- И вот сидим, едим хлеб с маргарином, - вспоминает Валентин Николаевич, - маргарин по случаю достался. А по дороге проходит пехота и так голодно на нас смотрят: «Ребята, дайте что-нибудь поест!» Ну, у нас целая коробочка маргарина. Куда нам столько! Весь фронт накормить! Солдаты-пехотинцы, кто успевавший, на ходу брали по куску хлеба с маргарином и шли дальше. Ну, а мы вытащили танк из кювета - и в бой: вправо, влево, по кочкам и ямам...

Вернувшись с фронта, Валентин пришел к отцу в депо. После войны, в 50-е - 60-е годы, на железной дороге началась модернизация вагонного хозяйства. В 1957 году завершилась замена крюкового сцепления вагонов на автосцепку, в 59-м перешли с ручного торможения на автоматическое. Подвижной состав переводился на роликовые подшипники. До 1970 года проводилась работа по замене двухосных вагонов четырехосными и пассажирских вагонов с деревянным кузовом - вагонами с цельнометаллическим кузовом. Вагонники активно внедряли прогрессивные методы осмотра и ремонта. Фронтвик Созонов принимал во всех этих работах самое активное участие. Его почти сразу избрали общественным инспектором по

безопасности движения. Ни одно рабочее собрание, ни одно заседание профкома не обходилось без его участия. Смена, в которой он работал, благодаря его активной жизненной позиции, была инициатором улучшения условий труда, лидировала в общественных делах.

В свои девяносто лет ветеран еще крепок. Он надеется помочь семье подправить дом, который выстроил когда-то сам. Пиджак с наградами в его шкафу на ближайшей вешалке. Его портрет висит на Доске почета ветеранов Горьковской железной дороги. Он еще поддерживает связь с местными школами «Мирный труд нужно зорко охранять!» - говорит он на следникам.

Анна МИРНАЯ

ПО-БОГАТ РСКИ

- Или вся жизнь такая? - вопросительно склоняет голову в мою сторону Василий Маньковский.

Прямая спина, косяк саженей в плечах, крепкие зубы, только что отстраненная от зорких глаз книга... Хочется сбросить наваждение: неужели ему девяносто? Награждает же Бог богатством!

А Василий Иванович зажигает в глазах лукавые искры:

- Да, родился в рубашке! А может быть, даже и в полушубочке.

Василий не был обделен с первых дней жизни. Крепкая трудовая семья в белорусской деревне жила пусть и небогато, но сытно. Родная деревня Дятлово славилась яблоками и коровами-ведерницами. Буренка Маньковских приносила ещё и двух телят-близнецов в сезон.

Среди четырёх братьев и трёх сестёр Вася был самым крупным - ему всегда давали на год больше. Но и работы на дворе доставалось с горкой.

КРЕСТНИК

ЭТОТ ОБРАЗ ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ НА ВСЮ ИЗНЬ: СОТНИ ЕГО ОДНОПОЛЧАН ДРУГ ЗА ДРУГОМ БЕГУТ ПО УЗКОЙ ДОСКЕ ЧЕРЕЗ РЕКУ. КТО-ТО СДЕЛАЛ НЕЛОВКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОСТУПИЛСЯ... КТО-ТО НЕ РАССЧИТАЛ РАССТОЯНИЕ ДО ТОВАРИ А И ТОЛКНУЛ ЕГО... КТО-ТО ИСПУГАЛСЯ И ЗАДЕР АЛ НА БЕРЕГУ СВОЙ ВЗВОД, КОТОРЫЙ ЧЕРЕЗ МИНУТУ РАЗМЕТАЛО ВРА ЕСКИМ СНАРЯДОМ... ТАКАЯ ВОЙНА.

надеялись на лёгкую победу. Однако отец сразу же распорядился колоть Буренку: «Всё одно отымут!»

Сыновья не прекословили - они уже тоже знали, почём фунт лиха. Старший Поликарп был машинистом в Орше, младшие Василий с Яковом жили с родителями, но чувствовали себя серьёзными мужиками.

То, что Иван Фёдорович и Поликарп вредят немцам, мальчишки поняли не сразу. Они видели: с приходом оккупантов на их семью стали коситься соседи. Еще бы! Сын хозяина работает на немцев в паровозных мастерских - лучший подчинённый у начальника Константина Заслонова. Разве не предатели? Ещё недавно Заслонов поднимал на собраниях свой партбилет, а сегодня младшему Маньковских «аусвайс» написал, чтоб новая власть не трогала! Вон как последыш предателей развёлся да вымахал!

«Спасибо заколотой Буренке!» - крестила своих мужчин мать, каждый раз с тревогой отпуская их из дома.

Это уже потом, когда на станции вдруг ни с того ни с сего разбушевался пожар, а через некоторое время на поворотном круге случилось наводнение, жители стали догадываться, что с Константином Заслоновым и его локомотивщиками не всё так просто.

О связи отца с «нашими» Василий узнал, когда тот вернулся из леса на угнанной вчера из деревни лошади. Накануне полиция задержали двух партизанок,

а те, расстреляв захватчиков, ускакали именно на этой гнедой.

Когда старший Поликарп попал в гестапо и при переправке в концлагерь бежал через проломленные в вагоне доски, Василий дал себе клятву: «Стану как брат - машинистом!» Поликарп, кстати, после войны вернулся на железную дорогу и много лет водил поезд. Как и все остальные сыновья в этой семье.

Фронт пришёл к Василию Маньковскому 13 июня 1944 года, сразу после освобождения Орши. Через две недели он принял присягу и стал солдатом 27 гвардейского строевого полка.

ПЕРВ М НОМЕРОМ

- Меня всегда ставили третьим номером в расчёте, - вспоминает Василий Иванович. В словах ветерана проскальзывает какая-то мальчишечья обида, и я как бы незначай переспрашиваю: «Третьим?»

- Ребята дразнили «фашистским выкормышем!» Сразу дали таскать противотанковое ружьё в два метра.

Пытаюсь сдержать улыбку, чтобы не обидеть орденосца. Ещё бы, это был уже последний год войны, и рядом с истощёнными бойцами краснощёкий девятнадцатилетний парень выглядел «с маминых блинов».

Но скоро однополчане поняли, что новенький вовсе не маменькин сынок. Он не прятался за спины, чётко выполнял приказы. Потом - вражеская пуля. В сохранившейся справке из

госпиталя стоит дата: 26 июля 1944 года. В этот день старший сержант Маньковский получил «лёгкое ранение в правую плоскость грудной клетки».

Вернувшись в строй через пару недель, он узнал о новом назначении: третий номер в миномётном расчёте.

- Я таскал плиту от мины - больше сотни килограммов. Да ещё автомат, да вещмешок, - качает головой ветеран. - А мечтал стать героем!

Однажды во время боя убило наводчика.

- Маньковский, к прицелу! - сказал командир.

Так Василий стал номером первым.

Рассказывает, что было страшно. Во время артподготовки шевелилась, как живая, земля. Когда били по позиции врага, на той стороне всё замирало. Когда бил враг, цепенели они сами: «Цеплялись за воздух зубами». Случалось, не выдерживали, вскакивали и бежали прочь, становясь лучшей мишенью для врага.

С РОН

- Вот когда я снова и снова вспоминал отцовский схрон, - глаза старого воина затуманиваются печалью. - Главное спасение на передовой - окопаться.

Однажды окопчик пришлось рыть в каменной земле. Чья лопата поленилась, тела тех взлетели в воздух в первую же минуту боя.

В коробке из-под старого фотоаппарата хранятся два особых листочка.

- Молитва крестного отца, - застенчивая бравада вояка, засовывая дрогнувшими руками истёршиеся бурные бумажки под стопу с документами. На секунду замер и потянулся за ними снова: - Молитва на жизнь.

Фиолетовые чернила совсем не выцвели. Слова «с буквой «ять», а вместо «и» - палочки с точками наверху. «Дорогой наш крестник Иван Маньковский, посылаю я тебе лист. И когда ты его

получишь, тогда сохраняй его у себя всё время. Храни как самого себя, чтобы никто не уворовал. Носи при себе каждое время и каждую минуту. Это посылается тебе от Семёна Игнатов за ведомом крестного отца».

Ничего не понимаю: так это кому? «От отца - мне», - спокойно поясняет старый солдат. И я, прозревая, почти со священным трепетом принимаю от него ветхие листы. Им, оказывается, больше сотни лет! Прошедшая через всю империалистическую войну в нагрудном кармане офицерской гимнастёрки Ивана Маньковского молитва спустя много лет защищала в страшных боях Великой Отечественной его сына Василия.

Вместе с частью миномётчик Маньковский освобождал Минск, Борисов, участвовал в штурме Кёнигсберга. Закончил войну под Данцигом. Военных эпизодов помнит несчётно.

Демобилизовался в 1950-м. Свою мечту стать машинистом реализовал в Калуге: три года учился паровозному делу. А потом приехал в Горький водить мощную «лебедянку». Здесь женился на красивой девушке Нине. Когда первому ребёнку, дочке Светлане, исполнился год, получил «аттестат зрелости» - документ об окончании школы рабочей молодёжи. И до самой пенсии водил грузовые поезда. Это - отдельная повесть, которую он рассказывает часами, повторяя иногда:

- Ведь правда, родился в полушубочке? Судьба провела меня по дощечке через жизнь, как своего крестника.

Кавалер двух орденов Красной Звезды и двух орденов Отечественной войны, почётный железнодорожник и почётный работник Горьковской железной дороги, почётный ветеран города Нижнего Новгорода Василий Маньковский надеется встретить и столетний юбилей.

Лариса АНДРЕЮ ИНА